Северный край 6.05.1900 № 185

ПАМЯТИ Ѳ. Г. ВОЛКОВА

ОСНОВАТЕЛЯ РУССКАГО ТЕАТРА.

Сев. Край 1900. № 185

Полтораста лѣтъ тому назадъ, въ центрѣ Россіи, еще слабо освѣщенной свѣтомъ западной образованности, лившимся изъ «окна», прорубленнаго усиліями Петра Великаго, впервые былъ построенъ и открытъ ярославскій театръ братьевъ Волковыхъ. Театры существовали и до того времени: въ 1672 г. былъ учрежденъ придворный театръ повелѣніемъ царя Алексѣя Михаиловича; но закрытіи его, черезъ много лѣтъ въ 1702 г. была приглашена въ Москву нѣмецкая труппа Кунста, но ея дѣла шли плохо и въ 1707 г. представленій уже не было. Существовали любительскіе театры учениковъ заиконоспасской академіи, госпитальной школы. придворнаго театра царевны Наталіи, наконецъ итальянской труппы въ придворномъ театрѣ. Но *народнаго* театра, доступнаго всѣмъ—не существовало. Кромѣ того—всѣ эти театральныя попытки—иначе ихъ и назвать нельзя—были крайне недолговѣчны. Разумѣется, не могло быть и рѣчи о выработкѣ какой бы то ни было школы; ничего мы не знаемъ и объ актерахъ, отъ нихъ остался лишь одинъ слѣдъ—ихъ челобитныя о выдачѣ жалованья, да жалобы обывателей на ихъ безобразное поведеніе. Актеровъ, какъ служителей искусства, за первый періодъ исторіи русскаго театра—мы не знаемъ. Ихъ далъ впервые ярославскій театръ, во главѣ котораго стоялъ замѣчательный по таланту и образованію Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, имѣя сотрудниками Нарыкова (Дмитревскаго), Попова и Шумскаго — талантливыхъ актеровъ, причастныхъ и къ литературѣ. Начиная съ нихъ, идетъ традиція драматическаго искусства въ Россіи. Они же первые положили начало въ Россіи общедоступному театру, привлекши въ него простонародье и фабричныхъ въ качествѣ не только зрителей, но и исполнителей. Ниже предлагаемъ читателю очеркъ исторіи основанія ярославскаго театра въ связи съ положеніемъ драмы въ Россіи въ первой половинѣ XVIII в.

II.

Несмотря на то, что о Волковѣ писано сравнительно не мало и имѣется его біографія, добросовѣстно составленная г. Ярцевымъ, мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія о первомъ русскомъ актерѣ и основателѣ театра.

Краткія біографическія данныя сводятся къ слѣдующему. Ѳед. Григ. родился въ 1729 г. Мать его, вдова костромского купца Матрена Яковлевна, осталась послѣ смерти мужа съ пятью мальчиками и вскорѣ вышла замужъ за пожилого вдовца, купца Ѳед. Вас. Полушкина, имѣвшаго сѣрные и купоросные заводы и кожевенное производство въ Ярославлѣ, куда и переселилась вся семья. Въ 1743 г. онъ принялъ къ себѣ «въ товарищи» «для лучшаго заводскаго произвожденія и государственной прибыли, для смотрѣнія надъ работными людьми» своихъ пасынковъ, изъ которыхъ, впрочемъ, одинъ старшій, Ѳедоръ, могъ быть ему дѣйствительнымъ помощникомъ.

Среда, въ которой росъ молодой Волковъ, была не чуждой просвѣщенія. Есть указанія, что отчимъ посылалъ его въ заиконоспасскую московскую академію, но здѣсь едва ли онъ по молодости пошелъ дальше класса піитики. Нѣмецкому языку Волковъ, вѣроятно, могъ выучиться у пастора ссыльнаго Бирона, прибывшаго въ Ярославль въ 1742 г.

Все остальное, чѣмъ обладалъ Волковъ — пришло къ нему путемъ самообразованія. При этомъ, какъ кажется, немалое вліяніе должны были оказать поѣздки въ Петербургъ по торговымъ дѣламъ отчима, пользовавшагося помощью своего не по лѣтамъ развитого и способнаго пасынка. Отправившись въ Петербургъ въ 1746 г., онъ вернулся въ Ярославль уже по смерти Полушкина послѣдовавшей въ 1747 г., и, какъ старшій въ семьѣ, долженъ былъ принять въ свои руки управленіе домомъ и заводами.

Но если при жизни отчима Волковъ исполнялъ его порученія, повидимому, исправно, то по смерти его, молодому купцу трудно уже было уравновѣсить занятія дѣлами и театромъ, къ которому влекло его призваніе. Изъ жалобы, можетъ быть нѣсколько односторонней, дочери Полушкина мы узнаемъ, что Волковы «не зная къ заводскому дѣлу искусства, ни малаго въ томъ не употребляли раченія, и вѣдая, что ими не прочны оные заводы, привели ихъ въ крайнее несостояніе, и заводскихъ людей, вмѣсто надлежащей должности, употребляютъ при себѣ въ комедіи и прочія свои услуги». Разслѣдованіе же привело къ удостовѣренію, что дѣйствительно заводы были запущены, строенія начинали гнить и видно изъ всего, что Волковы о заводахъ заботились очень мало.

Повидимому, думы и стремленія Ѳедора Волкова были далеко отъ заводскихъ дѣлъ. Какъ человѣкъ оригинальный и талантливый, онъ не подпадаетъ вліянію среды молодыхъ купчиковъ съ ея разгуломъ и кутежами, а устраиваетъ театръ, сначала въ своемъ домѣ, а затѣмъ въ 1750 г. въ большомъ кожевенномъ амбарѣ, черезъ годъ же выстраиваетъ большой настоящій театръ, мѣсто котораго точно не опредѣлено, но вѣроятно онъ былъ тутъ же, на Никольской улицѣ, по близости дома Волковыхъ.

III.

Прежде чѣмъ обратиться къ репертуару театра Волкова, мы напомнимъ вкратцѣ, каковъ былъ репертуаръ того времени, частью состоявшій изъ старыхъ пьесъ петровскаго времени, частью изъ новыхъ, появившихся въ 20—30-хъ годахъ XVIII вѣка.

Какъ показываютъ дошедшія до насъ рукописи XVIII в., старинныя пьесы временъ царя Алексѣя Михайловича еще не были забыты; особенно живучими оказались тѣ, которыя, такъ или иначе, заключали въ себѣ нѣчто героическое, напр., трагедія объ Эсѳири, объ Юдиѳи и Олоферпѣ, царѣ Давидѣ и Соломонѣ, гдѣ въ драматической формѣ изображается борьба за вѣру, за родину, за тронъ. Наряду съ этимъ показывались, повидимому, и школьныя драмы, разносителями и хранителями которыхъ являлись студенты кіевской и заиконоспасской академій и возникавшихъ во время Волкова духовныхъ семинарій съ учителями-малоруссами. Отмѣтимъ еще изъ стариннаго репертуара драматизаціи повѣстей, преимущественно, любовнаго и героическаго содержанія, начавшіяся еще въ самомъ началѣ вѣка.

Сравнительно разнообразнѣе, но едва ли богаче, по идейному, такъ сказать, содержанію, репертуаръ придворнаго театра, если включить сюда первыя трагедіи Сумарокова и Ломоносова.

При дворѣ, уже въ царствованіе Анны Іоанновны, становятся любимыми итальянскіе артисты, которые даютъ рядъ спектаклей. Играются комедіи, «интермедіи на музыкѣ», оперы.

До насъ дошелъ сборникъ такихъ пьесъ, частью въ пересмотрѣ, частью въ видѣ программъ или сокращенныхъ либретто, а также одна пьеса полностью, представляющая довольно безшабашную арлекинаду. Повидимому, этотъ родъ представленій, въ которыхъ главную роль играли побои и неприличныя остроты, пользовался любовью зрителей. Онѣ переписывались не только по ролямъ—будучи «перечневыми» онѣ допускали широкій произволъ артистамъ,—но и полностью, со всѣми «приличными театру игрушками», какъ говорилось тогда. Судя по рукописи Ундольскаго, сохранившей намъ эти «игрушки», мы знаемъ, что заключались онѣ въ двусмысленной игрѣ словами, при чемъ шутки и остроты вращались около интимныхъ сторонъ супружеской жизни. Видное мѣсто въ продѣлкахъ шута-арлекина и бригеллы занимаетъ клистиръ, которыми герои вооружаются для поединковъ, который устрашаетъ на язчивыхъ друзей и назойливыхъ паціентовъ.

Зарождавшаяся у насъ классическая трагедія была представлена въ немногихъ образцахъ. При дворѣ въ сороковыхъ годахъ давались французской труппой представленія дважды въ недѣлю; ставились трагедіи Расина, Корнеля и комедіи Мольера, при чемъ на представленія допускались свободно всѣ прилично одѣтые зрители. Одновременно процвѣтала итальянская опера на сюжеты изъ исторіи Рима. Въ 1748 г. Сумароковъ сочинилъ первую трагедію правильными александрійскими стихами «Хоревъ», представленную въ 1750 г. воспитанниками кадетскаго корпуса сначала въ стѣнахъ названнаго учебнаго заведенія, а по докладѣ императрицѣ объ успѣхѣ пьесы—во дворцѣ.

Основной чертой пьесъ серіезнаго репертуара до 1750 г., да и позже, было ясное стремленіе къ изображенію героевъ и героическаго. Все обыденное, съ примѣсью пошлаго шутовства было воспроизводимо въ комедіи.

Все это уже было, должно быть, извѣстно Волкову изъ заиконоспасской академіи, если онъ побывалъ въ классѣ піитики. И какъ имѣются извѣстія, онъ особенно преуспѣвалъ въ изображеніи героевъ, людей съ сильными страстями или находящихся подъ вліяніемъ возбужденія — такъ имъ отлично были играны роли бѣшеныхъ, пьяныхъ, ревнивцевъ и т. п.

III.

Обращаясь къ репертуару театра Волкова, мы видимъ въ немъ смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Здѣсь мы находимъ изъ допетровскаго времени духовную драму «Эсѳирь», мистерія Димитрія Ростовскаго, которыя давались вѣроятно, и въ заиконоспасской академіи оперу Метастазіо «Титово милосердіе», которую, по предположенію біографа, перевелъ самъ Волковъ. Впрочемъ, едва-ли это справедливо: либретто этой оперы было переведено на русскій языкъ, еще въ началѣ 40-хъ годовъ Меркурьевымъ, опера часто ставилась на петербургскомъ придворномъ театрѣ и здѣсь, вѣроятно, Волковъ могъ видѣть ее въ одну изъ своихъ поѣздокъ и даже достать экземпляръ либретто. Здѣсь же, вѣроятно, могъ Волковъ добыть и экземпляръ трагедіи Сумарокова. Кромѣ названныхъ пьесъ была особенно любимой—она давалась и въ ярославскомъ театрѣ, и по пріѣздѣ въ Петербургъ, передъ императрицей—«Евдонъ и Берфа», передѣлка изъ популярной переводной повѣсти того же названія. Она была играна въ Москвѣ студентами академіи на святкахъ и на масляницѣ въ компаніи съ придворными служителями, и это извѣстіе еще разъ указываетъ на пребываніе Волкова въ Москвѣ въ его ученическіе годы.

Изъ вышеназванныхъ пьесъ лишь послѣдняя является наименѣе извѣстной, почему и сообщаемъ ея содержаніе читателю, поскольку оно можетъ быть возстановлено по повѣсти, послужившей матеріаломъ для пьесы.

Бѣлый рыцарь Евдонъ спасаетъ прекрасную Берфу отъ разбойниковъ. Влюбившись, онъ «склоняетъ ее къ любви», но она отказывается стать его «метресою», а когда. Евдонъ хочетъ застрѣлиться у ея ногъ, она останавливаетъ его и объявляетъ, что сама его любитъ и желаетъ быть его женою. За Берфу сватаются рыцарь Аленкомъ, котораго Евдонъ убиваетъ на поединкѣ, и разбойникъ Роландъ, которому отецъ Берфы обѣщаетъ отдать ее. Берфа убѣгаетъ съ Евдономъ изъ родительскаго дома; воины, посланные за ними въ погоню, берутъ Евдона въ плѣнъ, а Берфа спасается въ монастырѣ. Роландъ обманываетъ любовниковъ, извѣщая подложными письмами Берфу, что убитъ Евдонъ, а Евдона, что убита Берфа. Получивъ свободу, Евдонъ ѣдетъ въ Парижъ и тамъ за военные подвиги производится въ фельдмаршалы. Однажды въ монастырѣ, гдѣ подстригласъ Берфа, произошелъ пожаръ. Евдонъ, поспѣшившій на помощь со своими воинами, спасаетъ монахинь и въ одной изъ нихъ узнаетъ свою возлюбленную Берфу. По его просьбѣ ее выпускаютъ изъ монастыря и разрѣшаютъ выйти замужъ за Евдона, который къ тому времени дѣлается французскимъ королемъ.

Судя по этому краткому сценарію, легко можно представить себѣ, какую чувствительную мелодрамму могъ сочинить авторъ нѣсколько опытный въ передѣлкахъ, которыя, какъ случилось говорить въ одной изъ прежнихъ нашихъ статей, были обычнымъ видомъ драмы въ началѣ XVIII в.

Актеры любители, существовавшіе еще задолго до Волкова и его друзей, вербовались, главнымъ образомъ, изъ студентовъ, подъячихъ, госпитальныхъ учениковъ. Стоя близко къ народу, зная его вкусъ, любовь къ острому слову, свободной шуткѣ, складной рѣчи, они создали рядъ передѣлокъ, подобныхъ «Евдону и Берфѣ». Вслѣдъ за передѣлками естественно было попытать свои силы и въ созданіи чего либо своего, самостоятельнаго. Матеріалъ былъ обширенъ и разнообразенъ, «темное царство» богато типами, которые сами, казалось, напрашивались подъ перо драматурга. Повидимому, Волковъ также какъ позднѣйшіе, наиболѣе талантливые люди того времени, не могъ не замѣчать этого. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ Ярославлѣ, въ кожевенномъ сараѣ—прототипѣ народныхъ театровъ, давались и бытовыя комедіи, написанныя на ярославскіе нравы, что кажется намъ весьма правдоподобнымъ, хотя изъ этихъ комедій до насъ не дошло ни одной; изъ театральныхъ опытовъ Волкова извѣстенъ лишь его «Момирадъ», занимаясь постановкой котораго, знаменитый актеръ простудился и вскорѣ скончался отъ тифа (въ 1763 г.).

Упоминаютъ еще о комедіяхъ Мольера—которыя, конечно въ переводѣ были на ярославской сценѣ. По всей вѣроятности это были старые переводы пьесъ Мольера, извѣстные подъ заглавіями «О докторѣ битомъ», «Драгыя смѣяныя» и «Амфитріонъ».

IV.

Согражданe Волкова сначала были не особенно довольны его затѣей, считая ее, по старинымъ правиламъ благочестія,—грѣшнымъ дѣломъ, «чертобѣсіемъ», и осуждали смѣлаго нововводителя.

Тѣмъ не менѣе, самый ростъ театра показываетъ, какъ мало значило уже это неудовольствіе приверженцевъ старины. Сначала театръ помѣщается въ комнатахъ, затѣмъ въ 1750 г. переводится въ сарай, а въ 1751 г. въ спеціально выстроенное помѣщеніе, вмѣщавшее около 1000 человѣкъ. Театральныя представленія заинтересовываютъ все большій и большій кругъ ярославцевъ и находятъ покровительство воеводы, Мусина-Пушкина и помѣщика Майкова. Театръ уже приноситъ доходъ: по однимъ свѣдѣніямъ, плата была установлена отъ копейки до пятака, по другимъ—отъ 3 до 25 коп. за мѣсто, что, принимая во вниманіе тогдашнюю цѣнность денегъ, является далеко не очень дешевой платой.

Въ 1752 г. дѣятельность ярославской труппы пресѣкается: основателя его вмѣстѣ съ товарищами везутъ въ Петербургъ, гдѣ по высочайшемъ одобреніи ихъ игры, отдаютъ въ кадетскій корпусъ для пріобрѣтенія манеръ и изученія наукъ, а затѣмъ въ 1756 г. открывается уже русскій театръ, въ которомъ первымъ «актіоромъ» является Ѳ. Гр. Волковъ, и съ своими сотоварищами полагаетъ основаніе традиціи русскаго драматическаго искусства.

Даже иностранцы, въ то время имѣвшіе уже выдающихся представителей этого искусства, признавали Волкова великимъ художникомъ.

Современники — русскіе изумлялись его дарованіямъ: дѣйствительно, онъ, помимо драматическаго таланта, обладалъ и поэтическими способностями; имъ сочинено нѣсколько пѣсенъ въ народномъ стилѣ и ода Петру В., до насъ не дошедшая. Кромѣ того, Волковъ былъ и художникомъ: въ одной изъ ярославскихъ церквей до сихъ поръ существуетъ рѣзной иконостасъ, по преданію сдѣланный по рисунку Волкова, которому всецѣло принадлежитъ и рѣзная работа царскихъ дверей, изображающихъ Тайную Вечерю. Среди другихъ подобныхъ произведеній работа Волкова, по отзыву свѣдущихъ лицъ отличается особенной художественностью: «въ ней изящество и тонкость отдѣлки соединены съ типическимъ разнообразіемъ и жизненностью фигуръ», какъ это можно видѣть и въ снимкѣ (Ежег. Имп. Т. 1895—96 г. кн. 1, стр. 68 ст. А. Ярцева).

Но изъ всѣхъ перечисленныхъ областей искусства, театръ наиболѣе привлекалъ Волкова и его онъ ни на что не желалъ промѣнять, хотя въ тотъ вѣкъ были возможны самыя удивительныя превращенія, какъ напр., изъ пѣвчихъ—въ гетманы и фельдмаршалы. Тѣмъ болѣе удивительна вѣрность основателя русскаго театра своему призванію, что, по свидѣтельству ѣдкаго и насмѣшливаго Фонвизина, «онъ былъ мужъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствомъ, имѣлъ большія знанія и могъ быть человѣкомъ государственнымъ».

Смерть Волкова, совершенно неожиданная для его друзей, вызвала рядъ сѣтованій, и искреннее горе и опасенія за дальнѣйшую судьбу русскаго театра слышны даже въ холодной съ виду и приподнятой элегіи Сумарокова:

«Пролей со мной потокъ, о Мельпомена: слезный!
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!
Преставился мой другъ. Прости, мой другъ любезный!
На вѣки Волкова пресѣклися часы!
Мой весь мятется духъ, тоска меня терзаетъ,
Пегасовъ предо мной источникъ замерзаетъ.
Расиновъ я театръ явилъ, о россы, вамъ!
Богиня! я тебѣ поставилъ пышный храмъ:
Въ небытіе сей храмъ перенесется
И основаніе его уже трясется».

Но директору перваго русскаго театра можно было быть спокойнымъ. Правда, Расиновъ театръ, явленный имъ, забытъ совершенно, по русское драматическое искусство, которому положилъ основаніе Волковъ—живо и развивается понынѣ, храня свои основныя черты, которыхъ въ Волковѣ не могъ погасить холодный классицизмъ—жизненность, правдивость и народность

В. П.